

- ²⁶ Записки Н. М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 6. С. 97–98, 101–102.
- ²⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. С. 171.
- ²⁸ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 220.
- ²⁹ Николай II и великие князья. С. 117.
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Энгельгардт Б. А. Л. 27.
- ³¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 146.
- ³² Записки Н. М. Романова. С. 106–107.
- ³³ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁴ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ³⁵ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁶ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ³⁷ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 294, 296.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 294, 296.
- ⁴³ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 294, 296.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Дякин В. С. Буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 164.
- ⁴⁸ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Письма великой княгини Елизаветы Федоровны // Источник. 1994. № 4. С. 37–38.
- ⁵¹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 190.
- ⁵² Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна. М., 2000. С. 160.
- ⁵³ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁵⁴ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. P. 139–140.
- ⁵⁷ Ibid. P. 140.

С. В. Куликов

«В САМЫХ ЛУЧШИХ ОТНОШЕНИЯХ»

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО*

Один из наиболее важных аспектов истории всякой революции — проблема континуитета между правящими элитами старого и нового порядка. Освещение этого вопроса позволяет уточнить, а иногда и пересмотреть имеющиеся представления об уровне радикальности конкретной революции, который проявляется не только в системе органических мероприятий революционной власти, но и в ее самоопределении как относительно низвергнутого режима, так и относительно знаковых фигур, его персонифицировавших.

Экстраполяция поставленной проблемы на историю Февральской революции подразумевает анализ отношений между Временным правительством и бюрократической элитой.¹ Отношения эти во многом обуславливались исходившим со стороны

* Настоящая статья написана при поддержке Фонда содействия отечественной науке (Russia Science Support Foundation) 2005, номинация «Молодые кандидаты наук».

подавляющего большинства представителей бюрократической элиты признанием нового порядка. Не случайно, что при его рождении, в конце февраля—начале марта 1917 г., почти никто из них не погиб. Исключением был тверской губернатор Н. Г. фон Бюнтинг. Комитет общественной безопасности, созданный в Твери в ходе начавшейся революции, предложил губернатору сдать дела и заблаговременно скрыться. Но Н. Г. фон Бюнтинг отказался признать комитет и телеграфировал Николаю II, что «исполнил свой долг до конца, лишь бы жила Россия и благоденствовал царь». Когда Н. Г. фон Бюнтингу сообщили о приближении к его дому толпы солдат и фабричных, он исповедался по телефону у викарного епископа. Вопреки противодействию членов комитета А. А. Червен-Водали и полковника Г. П. Полковникова Н. Г. фон Бюнтинг был схвачен толпой и зверски убит, а его труп затоптан.²

Остальные «хозяева губерний» не проявили героизма. Большинство губернаторов внутренних губерний России, по наблюдениям великого князя Николая Михайловича, «вели себя жалким образом». Два правых администратора, которые прослыли «наиболее верными и энергичными людьми», курский губернатор А. К. Багговут и одесский градоначальник генерал Н. А. Княжевич, «спрятались первые». Остальные «печальные герои» «последовали их примеру, или подчинясь новому правительству или покинув свои посты». Полную лояльность по отношению к новому порядку выказали и генерал-губернаторы: туркестанский — А. Н. Куропаткин, приамурский — Н. Л. Гондатти и иркутский — А. И. Пильц. Они «отличились все в поспешности отделиться от павшего режима».³

Не только местные администраторы, но даже члены Государственного совета по назначению, наиболее привилегированная категория бюрократической элиты, восприняли падение старого и возникновение нового порядка весьма прагматично и, в общем, достаточно безболезненно.⁴

Печать искренней лояльности лежала на отношении к новому порядку личного состава другого высшего учреждения — Сената. На заседании Временного правительства 5 марта министр юстиции А. Ф. Керенский сообщил о заседании высшего государственного органа, состоявшемся накануне, на котором министр передал Сенату для опубликования акты об отречении Николая II от престола и об отказе великого князя Михаила Александровича от верховной власти. В связи с этим сенаторы вынесли резолюцию с благодарностью Временному правительству «за почти бескровное установление внутреннего мира и переход к новому порядку в стране».⁵

Первоприсутствующий (т. е. председатель) Гражданского кассационного департамента Сената Я. Ф. Ганскау «в обращении с новой властью был всегда очень дружелюбен». Первоприсутствующий Крестьянского департамента В. И. Тимофеевский находился «в самых лучших отношениях» с товарищами революционного министра юстиции — А. А. Демьяновым и Г. Д. Скарятиним.⁶

Не меньшей лояльностью отличалось отношение к новому порядку и большинства представителей высшей министерской бюрократии. Все они после падения старого режима остались «на своих местах и, за редким исключением, работали с огромным энтузиазмом. Многие из них, — констатировал А. Ф. Керенский, — часто трудились ночами напролет, готовя проекты новых законов и предложения по реформам».⁷ По наблюдениям В. И. Гурко, личный состав царского административного аппарата «был готов верой и правдой служить России и после переворота, готов был всецело подчиниться

власти и указаниям своего нового начальства, выставленного общественностью».⁸ Таким образом, уже с первых дней существования Временного правительства бюрократическая элита, совсем недавно олицетворявшая, как никакая другая социальная группа, «блеск и нищету» старого порядка, пошла на сотрудничество с революцией. Неверно видеть в этой парадоксальной метаморфозе только проявление чиновничьего конформизма. По мнению А. А. Демьянова, «самое предупредительное отношение» бюрократической элиты к Временному правительству менее всего объяснялось «гуттаперчевой душой чиновника: слишком ясны были признаки доверия к новой власти и достаточно красноречивых данных для установления этого обстоятельства».⁹

Сотрудничество бюрократической элиты с революцией определялось по меньшей мере тремя причинами.

Первая из них — резкое неприятие значительной частью петроградского истеблишмента внутривластного курса, проводившегося императором накануне Февральской революции. Неприятие курса верховной власти переросло в недовольство личностью ее носителя, способствовавшее легкому восприятию сановниками отречения Николая II. «Я не хочу замалчивать своих слабостей и со стыдом должен сознаться, — вспоминал сенатор С. В. Завадский, — что отречение царя вызвало у меня вздох облегчения».¹⁰ После отречения Николая II недовольство сановников бывшим императором усилило то, что своим отречением не только за себя, но и за сына он, хотя и не по своей воле, нанес удар по будущности монархического принципа.¹¹

Свое отрицательное отношение к Николаю II представители бюрократической элиты переносили на всю династию Романовых. Показательно, что в МИДе, хотя по сравнению с остальными министерствами там служило самое большое количество носителей придворных чинов и званий, к экс-императору и династии относились «без всякого энтузиазма».¹²

Второй причиной легкости, с которой бюрократическая элита пошла на сотрудничество с революционерами, стало то, что вожди Февральской революции облекли его в относительно легитимные формы, не создавшие слишком резкого противопоставления нового режима старому. Формально отречение Николая II, как и Михаила, не было «вынужденным».¹³ Внешняя добровольность обоих отречений, более чем их содержание, давала искренним монархистам санкцию на признание режима, не венчанного короной, выводя их из безвыходной психологической ситуации, описанной С. В. Завадским. «А присяга? — восстанавливал сенатор ход своих мыслей, которым он предавался во время Февральской революции. — Ведь я присягал императору Николаю II. Но ему ли я присягал? Я присягал главе государства, которое является моим Отечеством, и если благо Отечества неосуществимо при сохранении за императором престола, то... Но кто с уверенностью скажет, что пути государя и Родины разошлись окончательно и непоправимо?».¹⁴ С новой властью бюрократическая элита не могла не примириться, потому что монархизм большей части сановников являлся беспартийным, а потому — пассивным.

Задолго до Февральской революции кадет В. Д. Набоков утверждал, что «огромное большинство бюрократии» несколько не заражено стремлением быть «роялистами более чем сам король». Оно, по мнению В. Д. Набокова, охотно бы признало «свершившийся факт», подчинилось бы новому порядку и никаким «саботажем» заниматься бы не стало.¹⁵ В конце концов так и произошло.

Конечно, исчезновение монархии не привело к исчезновению монархических взглядов у представителей бюрократической элиты. Однако их монархизм, во-первых, носил инерционный характер, а во-вторых, ассоциировался ими с идеей конституционной, а не абсолютной монархии. Монархическая позиция сановников основывалась на «привычном представлении об исторических заслугах монархии и его неизжитости в глубине народных масс, да на полезности конституционно-монархической формы правления для международного положения России, ее целостности и устойчивости».¹⁶

Третья, глубинная причина сотрудничества сановничества и Временного правительства была связана с относящимся к началу XX в. превращением ее подавляющего большинства в «служилую интеллигенцию» — одну из групп российской интеллигенции. В политическом отношении бюрократическая элита была арьергардом интеллигенции, ее довольно специфической частью, резко отличавшейся от остальной приверженностью идее служения обществу через служение государству.¹⁷ Тем не менее, поскольку Февральская революция стала политическим триумфом радикального крыла интеллигенции, бюрократическая элита если и не могла полностью идентифицировать себя с буржуазно-демократическим режимом, то, с другой стороны, будучи частью интеллигенции, еще менее могла в силу своей глубинной сути отказаться от безусловного признания непривычного политического порядка и, подчас мучительной, адаптации к его реалиям.

Не следует, однако, слишком преувеличивать издержки этой адаптации: ее предпосылки закладывались еще в период III думы. Именно тогда конструктивное сотрудничество царских сановников и общественных деятелей на поприще подготовки и проведения либеральных преобразований стало свершившимся фактом. «Мы так легко договаривались, — характеризовал это сотрудничество директор 1-го Департамента МИДа В. Б. Лопухин, — такой у нас установился общий язык, что казалось, если и случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из Милюковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжать прежние, ставшие уже привычными беседы».¹⁸ Продолжением «привычных бесед» и была служба представителей бюрократической элиты новому порядку.

Даже консервативные сановники сознавали необходимость упрочения Временного правительства — хотя бы ради доведения войны до победного конца. Назначенный член Государственного совета А. К. Варженевский писал 13 марта своему единомышленнику, графу С. Д. Шереметеву: «Дай Бог, чтобы взявшиеся править Россией поддержали порядок, который более чем необходим для победы над немцем».¹⁹

Сотрудничество с революцией либеральных сановников имело более пространную мотивацию, в основе которой лежало мнение, что с упрочением нового порядка связано возрождение России. При встрече с Ж. М. Палеологом, состоявшейся 10 марта, назначенный член Государственного совета С. Д. Сазонов, который видел в «настоящих несчастьях России перст Божий», заявил: «Мы заслуживали кары... Я не думал, что она будет так сурова... Но Бог не может хотеть, чтобы Россия погибла... Россия выйдет очищенной из этого испытания».²⁰

Судьбу нового порядка и перспективы своего сотрудничества с ним либеральные сановники ставили в зависимость от хода войны. Как сообщал 15 марта на родину японский дипломат Уцида, назначенный член Государственного совета граф В. Н. Коковцов,

беседуя накануне с другим японским дипломатом, говорил, что «дальнейшее всецело зависит от хода войны». «Если будет достигнуто соглашение, — подчеркнул В. Н. Коковцов, — если нынешнее положение на фронте будет сохранено, если порядок, который теперь восстанавливается, будут поддерживать, положение прогрессивного правительства укрепитя». Причины невозможности контрреволюции либеральные сановники видели не только во внешних обстоятельствах, но и в полной несостоятельности лидеров черносотенного движения. Через четыре дня, 19 марта, В. Н. Коковцов говорил: «Ни в коем случае не будет контрреволюции старых монархических партий, так как у русских консерваторов нет силы настоящего убеждения».²¹

Самые непримиримые консерваторы, с углублением революции, делавшим достижение победы весьма проблематичным, оценивали внутривластную ситуацию крайне пессимистично, считая сотрудничество с революцией бессмысленным. Назначенный член Государственного совета А. И. Соболевский, полагая, что все происходящее «один ужас» и что «Россия и ее народ проданы и преданы», констатировал 8 апреля: «Победа вырвана; мы были перед полной победой». А потому — и рабочие депутаты, и Временное правительство «никому не внушают доверия».²² После апрельского кризиса, в ходе дальнейшего обострения внутривластной ситуации, постепенно подтачивавшего веру во Временное правительство, сотрудничество как лево-, так и праволиберальных элементов бюрократической элиты с новым режимом начало давать первые трещины.

В мае, получив отставку с поста посла в Англии (куда он так и не выехал), С. Д. Сазонов «стал довольно открыто говорить, что свержение монархии было политической ошибкой». Впрочем, его слова относились «не к Николаю II, а к монархическому принципу вообще».²³ В конце весны среди знакомых назначенного члена Государственного совета генерала А. Ф. Редигера высказывались надежды «на восстановление монархии» и на то, что он «опять будет министром».²⁴ Однако, пока несостоятельность нового порядка в организации наступления на фронте не стала слишком очевидной, престижем у представителей бюрократической элиты пользовались даже такие левые министры, как А. Ф. Керенский. Когда в июне, в присутствии своего дяди, назначенного члена Государственного совета князя Б. А. Васильчикова, его племянница начала нападать на А. Ф. Керенского, обвиняя его «в разложении фронта», Б. А. Васильчиков, отмечала она, «так на меня рассердился и, несмотря на присутствие посторонних, наговорил мне таких вещей про мое старание разрушить престиж Керенского, тогда как его следовало использовать всем желающим России добра, что в нормальных условиях мне следовало бы встать из-за стола и уйти из дома».²⁵

В дни июльского кризиса Временное правительство не пошло до конца по пути применения к большевикам «энергичных мер». Поэтому после этого кризиса характерное для бюрократической элиты «единодушное положительное отношение к Февральской революции, обнаружившееся в первые дни ее, стало быстро падать, переходя уже прямо в оппозицию».²⁶ Нежелание правительства резко отмежеваться от левых вызывало недовольство у консервативных сановников. «Власть, — писал 9 августа А. К. Варжневский С. Д. Шереметеву, — говорит-говорит и на словах воспрещает насилие, но на деле, лишь только насилие производится, умывает руки и не оказывает никакой помощи вследствие своего действительного бессилия».²⁷ Двусмысленное поведение А. Ф. Керенского при подавлении выступления генерала Л. Г. Корнилова лишило новый порядок массовой поддержки со стороны бюрократической элиты.

Падение генерала «отвратило от Временного правительства ту массу, которая перестала быть монархической после Февральской революции и не стала республиканской».²⁸ После неудачи Л. Г. Корнилова внутри бюрократической элиты начинается постепенная реабилитация Николая II. В августе среди старорежимных сенаторов было уже «не принято» говорить о нем «непочтительно».²⁹ В чиновничьих массах Петрограда монархические настроения стали «заметно выявляться» лишь после Октябрьского переворота.³⁰ Именно с победой большевиков сенаторы Д. Н. Любимов, А. Г. Тимрот и Н. И. Туган-Барановский, которые еще год тому назад «корили царя и царицу за безрассудство, за политику, губящую весь строй», забыли о своих тогдашних суждениях «раз и навсегда».³¹ Реанимированный монархизм сановников не облекался, однако, как и до Февральской революции, в одежды какой-либо партийной доктрины.

Громадное большинство петроградского чиновничества осенью 1917 г. составляли «беспартийные люди». Даже наиболее популярная среди служилой интеллигенции того времени кадетская партия «не охватывала сколько-нибудь значительные массы служащих».³² Именно поэтому бюрократическая элита была готова поддержать любую попытку свержения Совета народных комиссаров, от какой бы политической силы она ни исходила. Представители высшей министерской бюрократии, назначенные на свои посты при царе, приняли участие во всеобщей забастовке, организованной Союзом союзов служащих правительственных учреждений, чиновничьим профсоюзом, появившимся после февраля 1917 г. Забастовка была объявлена 27 октября и продолжалась до февраля–марта 1918 г.

Только крайне правые сановники восприняли победу большевиков положительно, считая их за меньшее зло по сравнению с вождями Февральской революции. «Что такое новое, 2-е Временное правительство, не знаю, — писал А. И. Соболевский И. С. Пальмову 14 ноября 1917 г., — но представляю его себе более приятным, чем первое, германо-еврейское, мстительное и злобное».³³ Большинство же представителей бюрократической элиты отнеслись к победе В. И. Ленина крайне негативно.

Д. Н. Любимов, А. Г. Тимрот и Н. И. Туган-Барановский расценивали Октябрьский переворот как «бунт черни, не более, шаг назад в истории России, смутное время, за которым придут спасительные Минин и Пожарский». Вину за победу большевизма сенаторы возлагали на Временное правительство. Входящие в него «разные интеллигенты», «сухие политические хлестаковы, люди без прошлого, без традиций, разбудили чернь, вызвали духа и не сумели его заклясть». Сравнивая Временное и царское правительство, сенаторы были склонны к реабилитации старого порядка, который, полагали они, «оправдал себя», так как «только он мог бы обеспечить России великодержавное процветание». Несмотря на то что большевики свергли Временное правительство, праволиберальные сенаторы, не говоря уже о леволиберальных, расценивали большевиков как «абсолютное зло».³⁴ Неудивительно поэтому, что 22 ноября Общее собрание Сената вынесло единогласное решение «о непризнании Совета народных комиссаров».³⁵

Итак, несмотря на проявившуюся осенью 1917 г. неоднозначность отношения бюрократической элиты к буржуазно-демократическому режиму, в это время оно, как и в марте 1917 г., в конце концов являлось исключительно лояльным. Отношение Временного правительства к бюрократической элите также не отличалось однозначностью и зависело от ее конкретной категории. Одни из этих категорий были фактически упразднены, что имело место в случае с губернаторами и вице-губернаторами.

На заседании Временного правительства 4 марта оно одобрило предложение министра-председателя и министра внутренних дел князя Г. Е. Львова «о реорганизации административной власти на местах» путем замены «хозяев губерний» и их заместителей председателями губернских земских управ.³⁶ О решении правительства Г. Е. Львов известил местные власти своей телеграммой от 5 марта. В. Д. Набоков расценил эту меру как «один из самых неудачных актов» нового режима. Если места губернаторов занимали председатели управ, утверждавшиеся еще царским министром внутренних дел, исполнение распоряжения Г. Е. Львова сводилось к лишенной всякого смысла замене одних чиновников другими, далеко не лучшими. Замена же губернаторов выбранными председателями управ оказывалась нецелесообразной не только с государственной, но и с политической точки зрения. Нередко выбранный председатель являлся ставленником реакционного большинства, а губернатор — лицом, не обладавшим никакой реакционной окраской.³⁷ Тем не менее по решению Временного правительства товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин уже в конце апреля своим циркулярным письмом рекомендовал губернаторам и вице-губернаторам подать к 1 мая прошения об отставке. При этом они были лишены возможности получить заштатное содержание.³⁸

Вопрос о пенсионном обеспечении представителей высшей провинциальной бюрократии Временное правительство так и не решило. Состоявшееся 1 сентября заседание Совещания товарищей министров, которое начисляло пенсии уволенным чиновникам, рассмотрев поступившее в него представление МВД о начислении пенсий высшим и низшим чинам этого министерства, постановило дать пенсии только вторым. На заседании Совещания 27 сентября пенсию в 7000 р. получил бывший варшавский генерал-губернатор генерал князь П. Н. Енгальчев, однако как лицо, служившее не в МВД, а по Военному ведомству.³⁹

Фактическому упразднению подверглась и такая привилегированная категория бюрократической элиты, как назначенные члены Государственного совета. Впрочем, некоторые «лорды», главным образом выдвинувшиеся до революции в качестве лидеров «Прогрессивного блока», были востребованы новым режимом. Генерал А. А. Поливанов уже в марте по инициативе военного и морского министра А. И. Гучкова возглавил Особую комиссию по построению армии на новых началах. До самого Октябрьского переворота оставались на своих должностях товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов и управляющий Государственным банком И. П. Шипов. В апреле–мае на посту помощника морского министра находился адмирал В. А. Канин. До мая обязанности помощника военного министра исполнял Н. П. Гарин.⁴⁰

В июне С. Ф. Вебер стал сенатором. К присутствию в Сенате были назначены также лидеры «Прогрессивного блока», до переворота являвшиеся сенаторами только по званию — барон Ю. А. Иксуль-фон-Гильденбандт, А. Ф. Кони, С. С. Манухин, П. А. Сабуров, Н. С. Таганцев и Н. Э. Шмеман. Однако в целом участие представителей назначенной части верхней палаты в деятельности высших и центральных органов нового режима проявлялось эпизодически. По большому счету, профессиональный потенциал этой категории бюрократической элиты Временное правительство так и не использовало, если учесть, что к 23 февраля 1917 г. в состав назначенной части входили 139 человек. Несмотря на то что формально двухпалатная система не была упразднена, всех их 5 мая Временное правительство уволило за штат, хотя по закону назначенные члены

подлежали увольнению только по прошению. Согласно неопубликованному закону, защитным сановникам сохранили содержание на год, т. е. до 1 мая 1918 г.

Отказавшись от сотрудничества с членами Государственного совета, Временное правительство не решило проблемы пенсионного обеспечения тех из них, которые желали выйти в полную отставку. Когда вскоре после Февральской революции правительство вознамерилось, было, дать пенсию В. Н. Коковцову, то «шум», поднятый по этому поводу слева, произвел на министров «большое впечатление». Поэтому при последующем обсуждении вопроса о пенсионном обеспечении назначенных членов Временное правительство, потратив на него целых два заседания, «не могло прийти ни к какому определенному решению».⁴¹ В результате всем «лордам», добровольно подавшим в отставку, за исключением В. И. Мамантова, в ходатайстве о пенсии было «отказано».⁴² На состоявшемся 27 сентября заседании Совещания товарищей министров Н. П. Гарину и генералу Ф. Ф. Трепову начислили пенсию в 7000 р., но не как назначенным членам Государственного совета, а как лицам, находившимся на службе по военному ведомству.⁴³

Некоторые категории бюрократической элиты и прежде всего — министры и лица равного с ними служебного статуса (главноуправляющие), не будучи упраздненными, подверглись, однако, тотальному обновлению личного состава.

Почти все члены Совета министров перестали быть таковыми в дни Февральской революции. Причем опубликованный указ об отставке, датируемый 2 марта, был исполнен лишь относительно единственного члена последнего царского правительства — военного министра генерала М. А. Беляева. Формально дольше всех удержался на своем посту министр Императорского двора генерал граф В. Б. Фредерикс, официально ушедший в отставку только 28 марта. Что касается главноуправляющих, то их судьба была решена в течение марта–апреля. Так, 13 марта последовало увольнение главноуправляющего Собственной канцелярией царя А. С. Танеева, 21 марта — главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений В. И. Мамантова, 3 апреля — государственного секретаря С. Е. Крыжановского.⁴⁴

В. И. Мамантов, подавший, как и его коллеги, в отставку, получил от Временного правительства пенсию в 7 500 р. Всем остальным министрам и главноуправляющим, которые подали в отставку, как и в случае с членами Государственного совета, в ходатайстве о пенсии было отказано.⁴⁵

После Февральской революции из начальников ведомств, назначенных Николаем II, на своей должности остался только главноуправляющий государственным коннозаводством генерал П. А. Стахович.⁴⁶

Отказ от введения во Временное правительство царских министров и использования в целях устроения нового порядка их профессионального потенциала предопределил понижение общего уровня компетентности высшей власти в силу отсутствия у общественных деятелей способностей, необходимых для управления государством. «Большинство общественных ставленников, — указывал В. И. Гурко, — оказалось в нравственном отношении на уровне наихудших из их непосредственных бюрократических предшественников, а как администраторы-техники они были неизмеримо ниже их».⁴⁷ Даже участники Февральской революции пальму первенства отдавали министрам царского правительства. Барон Б. Э. Нольде, сам прошедший отличную бюрократическую школу, «с особенной любовью язвил» над Г. Е. Львовым, П. Н. Милюковым и другими членами Временного правительства по поводу того, что для них «искусство быть министром — книга за семью печатями».⁴⁸

Описывая свои ощущения от Временного правительства первого состава, Ю. В. Ломоносов отмечал: «Ну, какой министр финансов Терещенко, милый благовоспитанный юноша, всегда безукоризненно одетый, служивший по балетной части и пользовавшийся головокружительным успехом у корифеек. Но что он финансам, что ему финансы? А Некрасов, кадет, идеалист... Профессор статики сооружений без трудов. Знакомый с путями сообщения по студенческим запискам и по Думе... Разве его можно сравнить с [Войновским-]Кригером?.. Наконец Шингарев, бесспорно умный человек, но он по образованию врач, а в Думе занимался финансами. При чем же земледелие и землеустройство? Ведь тот же Кривошеин его за пояс заткнет... Нет, нехорошо».⁴⁹

Нелицеприятная характеристика, данная революционным министрам участником переворота, полностью соотносится с оценками бюрократов. По воспоминаниям одного из них, на посту министра финансов М. И. Терещенко «всегда ошибался в цифрах, говоря о миллионах вместо миллиардов, никак не умея приспособиться к финансам государства, все же превышавшим его миллионное состояние».⁵⁰ Вспоминая о деятельности М. И. Терещенко на посту министра иностранных дел, В. Б. Лопухин писал: «Голова его была менее всего занята ведомственными вопросами. Он плохо вникал в них».⁵¹ Министр путей сообщения Н. В. Некрасов немедленно по получении своего поста возложил «бремя технического руководства» на «одного молодого инженера», а сам «с искусством специалиста» начал ухаживать за дочерью видного кадета Д. С. Зернова.⁵² Министр земледелия А. И. Шингарев даже по признанию своего единомышленника мог претендовать «не на государственный, а на губернский или уездный масштаб».⁵³ По наблюдениям же выдающегося ученого-аграрника, А. И. Шингарев не имел «ни малейшего понятия» о сельском хозяйстве.⁵⁴

Если столь несостоятельными в качестве министров оказались деятели Временного правительства первого состава, все же имевшие некоторое представление о государственной деятельности благодаря работе в думе, то их ближайшие преемники, к думе непричастные, проявили еще большую несостоятельность. По мнению А. В. Тырковой, деятельность министров Временного правительства доказала, что «оппозиция не была подготовлена к руководству государством».⁵⁵ Тем не менее, вопреки функциональной, и в угоду политической, целесообразности, вплоть до октября 1917 г. министрами, как правило, назначали не профессиональных бюрократов, а деятелей, «заявивших себя чем-либо на общественной арене и непременно из принадлежавших к одной из доминировавших политических партий».⁵⁶

Примат политической целесообразности над функциональной проявился не только в отсутствии во Временном правительстве бюрократов, но и в кадровой нестабильности, затронувшей это правительство в еще большей степени, чем царское с его знаменитой «министерской чехардой». Если с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебивали 39 человек,⁵⁷ то с марта по октябрь 1917 г., за 8 месяцев, — 42 человека. Следовательно, при Временном правительстве на высшем уровне исполнительной власти текучесть кадров возросла в 5 раз! «Министерская чехарда последних месяцев царского режима бледнеет перед свистопляскою „министров“ (с позволения сказать) Временного правительства», — отмечал В. Б. Лопухин.⁵⁸

Предпочтение, отдаваемое политической целесообразности, повлияло и на отношение нового режима к таким категориям бюрократической элиты, как высшее министерское чиновничество и сенаторы. Обе названные категории были инкорпорированы

в новый государственный строй, хотя и претерпев довольно заметное персональное обновление.

За март руководящий персонал министерств (товарищи министров, начальники главных управлений и директора департаментов) обновился почти на одну треть. В это время проявления кадровой нестабильности были характерны для Министерства внутренних дел, военного, Императорского двора, иностранных дел, морского, путей сообщения, финансов, юстиции, а также Государственного контроля и Синода. В апреле темпы обновления дореволюционного состава высшей министерской бюрократии уменьшились в 4 раза. В этом месяце царские сановники покинули руководящие посты в Министерстве внутренних дел, военном, Императорского двора, морском, торговли и промышленности и финансов.

К июню темпы обновления данной категории высшей бюрократии уменьшились более чем в 10 раз и приобрели тенденцию к стабилизации.⁵⁹ Тем не менее в целом за период с марта по октябрь 1917 г. на уровне товарищей министров, начальников главных управлений и директоров департаментов наблюдалась беспрецедентная степень кадровой нестабильности. Если обновление их состава на 50% Николай II провел за два с половиной года, предшествовавшие Февральской революции,⁶⁰ то Временное правительство подобное же обновление провело за 8 месяцев.

В результате к октябрю 1917 г. руководящий персонал Министерства внутренних дел, военного, земледелия, морского, путей сообщения и юстиции обновился по сравнению с февралем этого года более чем наполовину.⁶¹ В отличие от них руководящий персонал остальных министерств, обновившись менее чем наполовину, оставался сравнительно стабильным. В дипломатическом ведомстве Временное правительство «не совершило никакой революции, а, наоборот, так его сохранило, как это было бы трудно ожидать даже при обычной смене министров при царском строе».⁶²

Представители высшего министерского чиновничества, если они не переходили на другую должность, а подавали в отставку по сравнению с уже рассмотренными категориями бюрократической элиты имели намного больше шансов получить пенсию. Так, пенсионерами Временного правительства стали: председатель Главного военного суда С. А. Быков, начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции П. К. Гран, товарищ министра земледелия Н. В. Грудистов, директор Департамента государственного казначейства Министерства финансов П. Н. Кутлер, управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг Министерства финансов Н. И. Тавилдаров.⁶³

Поощряя выходы в отставку представителей высшей министерской бюрократии, назначенных еще при старом порядке, Временное правительство ставило препоны их карьерному росту. Только небольшому числу чиновников руководящего персонала ведомств победа Февральской революции открыла возможности для дальнейшего продвижения по службе – вплоть до постов товарищей министров и министров.

В марте заместителями глав министерств стали: начальник Управления по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения А. В. Ливеровский (в сентябре вознесенный до поста министра путей сообщения), начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства генерал А. А. Маниковский (в октябре исполнявший обязанности военного министра), директор 2-го Департамента МИДа Б. Э. Нольде, начальник Канцелярии Военного министерства генерал Д. В. Филатьев.

В мае на посты товарищей министров были назначены управляющий Отделом торговли Министерства торговли и промышленности В. В. Прилежаев и генерал-контролер Департамента военной и морской отчетности Государственного контроля М. И. Скипетров, в июне — советник 2-го Политического отдела МИДа А. М. Петряев.⁶⁴ Но с июля, т. е. с момента появления во главе Временного правительства А. Ф. Керенского, назначения царских сановников на посты товарищей министров полностью прекратились.

Новый министр-председатель полагал, что на этих постах «теперь могут быть только общественные деятели».⁶⁵ Между тем без участия царских сановников нормальное функционирование даже второстепенных звеньев правительственного аппарата становилось иногда попросту невозможным. Это признавали, но не публично, сами представители новой власти. Когда в начале мая произошло назначение товарища государственного секретаря Н. Ф. Дерюжинского на пост сенатора, его непосредственный начальник, комиссар Временного правительства по Государственной канцелярии Д. Д. Grimm оказался вынужденным расписаться в своей неспособности управлять без Н. Ф. Дерюжинского этим несложным ведомством, хотя Государственный совет, делопроизводство которого оно обеспечивало, с февраля 1917 г. не функционировало. «Принимая во внимание исключительное знакомство» Н. Ф. Дерюжинского с делами канцелярии и «трудность для комиссара» «обойтись без сотрудничества этого опытного, просвещенного и хорошо знакомого с личным составом канцелярии деятеля», Д. Д. Grimm ходатайствовал перед Г. Е. Львовым 20 мая о возложении на Н. Ф. Дерюжинского «хотя бы на некоторое время исполнения его прежних обязанностей товарища государственного секретаря».⁶⁶

К числу категорий бюрократической элиты, инкорпорированных в политическую структуру буржуазно-демократического режима, относился и личный состав Сената. Инкорпорация затронула не всех сенаторов, поскольку многие из них имели репутацию, не устраивавшую революционное руководство судебного ведомства.

На заседании Временного правительства 4 марта министры постановили признать недействительными назначения сенаторов Первого департамента, последовавшие после издания закона 26 декабря 1916 г. о реформе Сената.⁶⁷ В течение марта–июня состоялись увольнения 24 присутствующих сенаторов, большинство из которых заседали в самых одиозных департаментах — Первом и Кассационном уголовном (6 и 9 человек). После этого пенсионерами Временного правительства стали сенаторы С. С. Андреевский, Н. И. Вуич, А. А. Глищинский, Н. Ч. Зайончковский, Н. П. Зуев, А. М. Кузминский, С. А. Линк, В. Д. Шидловский.⁶⁸

Одновременно в течение апреля–октября, личный состав Сената пополнили 74 человека. Последние назначения в это высшее судебное учреждение относятся к 16 октября 1917 г. После Февральской революции впервые за всю историю Сената в него назначаются члены Государственной думы (2 человека), начальники отделений ее Канцелярии (2 человека), присяжные поверенные (11 человек, в том числе лица «иудейского вероисповедания»), мировые судьи (2 человека), председатели и гласные губернских земских управ (3 человека). Новостью в истории Сената явилось и массированное пополнение его состава профессорами (21 человек).

Вместе с тем около двух пятых сенаторов от общего числа лиц, оказавшихся в Сенате в апреле–октябре, до назначения в него принадлежали к тем категориям бюрократической элиты, которые были традиционными поставщиками кандидатов на сенаторские

посты и до февраля. Это председатели, члены и прокуроры судебных палат, чиновники канцелярий департаментов Сената, члены Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции, статс-секретари Государственного совета и директора министерских департаментов. Данное обстоятельство как нельзя лучше доказывает, что на протяжении всего периода деятельности Временного правительства его отношения с бюрократической элитой характеризовались преемственностью между старым и новым порядком. И это неудивительно — подавляющее большинство сановников с момента установления власти Временного правительства признали революционную власть и вполне сознательно стали ее опорой.

Врастание высшей бюрократии в новые реалии облегчалось ее собственным настроением на сотрудничество с буржуазно-демократическим режимом и едва ли не в большей степени заинтересованностью Временного правительства в использовании профессионального опыта царских сановников. Отсутствие минимума компетентности, необходимой для управления государством, у общественных деятелей, оказавшихся во власти, довольно скоро стало притчей во языцех. Этот существенный недостаток нового порядка мог быть компенсирован только путем широкого привлечения в управленческие структуры и совещания по разработке реформ носителей государственного опыта. Ими являлись профессиональные бюрократы, «глубокие познания и подготовленность» которых «находились, — по оценке А. Ф. Керенского, — на самом высоком уровне». ⁶⁹

Несмотря на явную заинтересованность Временного правительства в широком участии представителей элиты в управлении государством и его реформировании, потенциал бюрократов оказался востребованным новой властью не полностью, а фрагментарно, совсем не в той мере, в какой это было необходимо ей самой. Чем же объясняется такая ситуация?

Временное правительство, ставшее порождением не реформы, а революции, в силу этого было фатально обречено на следование в ее фарватере. Чем дальше, тем больше оно приносило в жертву политической целесообразности, которая ассоциировалась исключительно с углублением революции, функциональную целесообразность и прежде всего — эффективную работу руководящего звена государственной машины.

При самоопределении относительно сановничества Временное правительство считалось не «с действительными реальными интересами, а с требованиями революционной фразы, революционной демагогией и предполагаемыми настроениями масс». ⁷⁰ Если действие политической целесообразности сказывалось на личном составе революционного Временного правительства, то тем более ее действие должно было отразиться на дореволюционной бюрократической элите. Вот почему некоторые ее категории Временное правительство упраздняло даже тогда, когда это вело к дезорганизации деятельности государственной машины.

В силу действия фактора политической целесообразности при назначении на чисто управленческие должности, отправление которых было возможно только при наличии специфического опыта, новая власть исходила из того, что «популярность делает больше, чем знание и умение». ⁷¹ В этом смысле особенно преуспели министры-социалисты, заменявшие высокопоставленных чиновников коллегами по партии, не имевшими, по наблюдениям А. Ф. Керенского, «ни малейшего представления о работе правительственных учреждений». ⁷²

Примером влияния политической целесообразности стала Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК). Перед комиссией поставили заведомо недостижимую цель — осуждение видных царских сановников согласно законам Российской империи, хотя в их свете почти все заключенные представлялись абсолютно невиновными.⁷³ Это было очевидно прежде всего для самих бюрократов. Так, 7 мая сенатор А. Ф. Кублицкий-Пиоттух отзывался о ЧСК А. А. Блоку как о «скандальном учреждении». В результате ее деятельности, полагал сенатор, «повесят» «людей юридически невинных». Передавая логику дяди, А. А. Блок записал: «Предъявить обвинение можно к Протопопову, Сухомлинову, пожалуй, Щегловитову, но чем виноват, например, Стишинский? Просто крайне правый, хотя и неприятный».⁷⁴

Бесперспективность комиссии была очевидна и для ее сотрудников. По свидетельству следователя ЧСК, «наличность в деле хотя бы намеков на улики послужила бы основанием для привлечения в качестве обвиняемых всех бывших министров». Однако «набившие всем оскомину обвинения предъявлены не были, ибо не было даже намеков на улики».⁷⁵

Рассматривая политику нового порядка по отношению к царской бюрократии, современники разных политических ориентаций проявили полное единодушие. Соратник Г. Е. Львова приходил к выводу, что «ценнейший аппарат власти был нашими интеллигентами, дорвавшимися до власти, варварски разбит при Временном правительстве».⁷⁶ «Вместе с низвержением старой власти, — писал народный социалист, — началось быстрое разрушение и того механизма, при посредстве которого она осуществляла себя и при отсутствии которого никакой государственной власти быть не может».⁷⁷ Политика Временного правительства по отношению к бюрократической элите привела к тому, что континуитет между ней и правящей элитой нового порядка стал убывающим и частичным.

Радикальность Февральской революции проявилась не в одномоментном и полном разрыве со старым порядком, а в создании ее вождями условий, при которых этот разрыв из-за прогрессирующего размывания преемственных связей делался неизбежным уже в ближайшем будущем. Одним из таких условий и было принесение в жертву революционной политике функциональной целесообразности, что привело к уходу с исторической арены не только бюрократической элиты, но и Временного правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этой статье развиты положения, опубликованные ранее. См.: Куликов С. В. 1) Временное правительство: Кадровые перестановки (март–октябрь 1917) // Из глубины времен. СПб., 1996 Вып. 7; 2) Временное правительство и высшая царская бюрократия // The Soviet and Post-Soviet Review. Idyllwild, 1999. Vol. 24. N. 1–2.

² Вениамин, еп. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 144–148. Согласно подсчетам В. И. Старцева, из сотни губернаторов аресту подверглись только пять. Тем не менее, противореча самому

себе, он утверждал, что «к 2–3 марта 1917 г. деятельность большинства губернаторов была парализована, многие из них были арестованы, некоторые убиты, а часть ожидала своей судьбы» (Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 198). Вряд ли правомерно слова «многие» и «некоторые» употреблять по отношению к 5% и одному человеку.

³ Записки Н. М. Романова / Публ. А. А. Сергеева // Красный архив. М., 1931. Т. 49. С. 111.

⁴ См. об этом: *Куликов С. В.* Временное правительство и высшая царская бюрократия. Р. 67–68.

⁵ Журнал заседания Временного правительства № 5. 5 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 г.: Сб. документов и материалов / Сост., предисл., примеч. О. А. Шашковой. М., 1996. С. 173.

⁶ *Демьянов А. А.* Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 67, 68.

⁷ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 134.

⁸ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 427–428.

⁹ *Демьянов А. А.* Моя служба при Временном правительстве. С. 67.

¹⁰ *Завадский С. В.* На великом изломе: (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.): Под знаком Временного правительства // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 9.

¹¹ Назначенный член Государственного совета С. Д. Сазонов уже 10 марта «в суровых выражениях» говорил французскому послу Ж. М. Палеологу о Николае: «Вы знаете, как я люблю императора, с какой любовью я служил ему. Но никогда не прошу ему, что он отрекся и за сына. Он не имел на это права... Существует ли какое бы то ни было законодательство, которое разрешило бы отказываться от прав несовершеннолетних? Что же сказать, когда дело идет о самых священных, августейших правах в мире! Прекратить таким образом существование трехсотлетней династии, грандиозное дело Петра Великого, Екатерины II, Александра I! Какая слабость, какое несчастье!» (*Палеолог Ж. М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 274–275).

¹² *Михайловский Г. Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 : В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 452.

¹³ *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 32. По свидетельству Б. А. Энгельгардта, «агенты правительственной власти, гражданские и военные, оставались на своих местах, и почти никто из них не пытался объявлять о том, что его убеждения не позволяют ему работать в

новых условиях». Эти настроения Б. А. Энгельгардт объяснял тем, что «хоть царская власть и была свергнута, старые порядки, старая законность продолжала существовать» (*Энгельгардт Б. А.* Февральская революция / Публ. А. Б. Николаева // Клио. СПб., 2003. № 20. С. 189).

¹⁴ *Завадский С. В.* На великом изломе. С. 9.

¹⁵ *Набоков В. Д.* Временное правительство. С. 26.

¹⁶ *Михайловский Г. Н.* Записки. С. 452.

¹⁷ См. об этом: *Куликов С. В.* Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе: Первая треть XX в.: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. С.-Петербург. 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996.

¹⁸ *Лопухин В. Б.* Люди и политика: (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 118.

¹⁹ «Все рушится и тонет в море анархии»: Письма члена Государственного совета А. К. Варженевского графу С. Д. Шереметеву // Источник. 1994. № 6. С. 30.

²⁰ *Палеолог Ж. М.* Царская Россия накануне революции. С. 274–275.

²¹ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. / Публ. А. Л. Попова // Красный архив. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 121, 126.

²² А. И. Соболевский — И. С. Пальмову 8 апреля 1917 г.: РО РНБ. Ф. 558 (И. С. Пальмова). Д. 202. Л. 38–39, 39 об. Приношу благодарность И. В. Лукоянову, указавшему автору на этот источник.

²³ *Михайловский Г. Н.* Записки. С. 436, 452.

²⁴ *Редигер А. Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 451.

²⁵ Только несколько месяцев спустя Б. А. Васильчиков признался племяннице, что она была права ([*Васильчикова Л. Л.*] Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Л. Л. Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 395, 396).

²⁶ *Михайловский Г. Н.* Записки. С. 427.

²⁷ «Все рушится и тонет в море анархии». С. 38.

²⁸ *Михайловский Г. Н.* Записки. С. 459.

²⁹ *Любимов Л. Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 73.

³⁰ *Михайловский Г. Н.* Записки. С. 436.

- ³¹ Любимов Л. Д. На чужбине. С. 87–88.
- ³² Лопухин В. Б. После 25 октября // Минувшее. М., 1990. Вып. 1. С. 14.
- ³³ А. И. Соболевский — И. С. Пальмову 14 ноября 1917 г. (РО РНБ. Ф. 558 (И. С. Пальмова) Д. 202. Л. 50–51 об.).
- ³⁴ Любимов Л. Д. На чужбине. С. 89.
- ³⁵ Глазами петроградского чиновника // Нева. 1990. № 10. С. 195.
- ³⁶ Постановление Временного правительства о возложении обязанностей губернаторов и уездных исправников на председателей губернских и уездных земских управ и сохранении на местах старого административного аппарата. 4 марта 1917 г. // Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 422.
- ³⁷ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 27. В. И. Старцев, опровергая мнение В. Д. Набокова, писал: «Губернаторы уже были вчерашним днем. Спасти их было невозможно, и единственно реальный шаг — их замена». Временное правительство, по мнению В. И. Старцева, в данном случае считалось не с «предполагаемыми настроениями масс», а с реальными фактами «арестов и убийств губернаторов», а потому «не имело никакой возможности поступить иначе» (Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства... С. 199, 201). Но факты «арестов и убийств» были настолько малочисленны, что принимать их в расчет Временному правительству не было никакого резона.
- ³⁸ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 321.
- ³⁹ Пенсионная практика Временного правительства // Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 8. С. 249.
- ⁴⁰ Куликов С. В. Временное правительство. С. 36, 37.
- ⁴¹ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 29.
- ⁴² Мамантов В. И. На государственной службе: Воспоминания. Таллин, 1926. С. 245.
- ⁴³ Пенсионная практика Временного правительства. С. 249.
- ⁴⁴ Куликов С. В. Временное правительство. С. 33, 34, 35, 36.
- ⁴⁵ Мамантов В. И. На государственной службе. С. 245.
- ⁴⁶ Куликов С. В. Временное правительство. С. 30. А. Б. Николаев выделил четыре формы установления контроля Временного комитета Государственной думы над правительственными учреждениями. По поводу первой из них он отмечал, что «часть министерств и ведомств продолжали возглавлять старые министры, комиссаров ВКГД здесь не было» (Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. С. 80). Однако буквально на следующей странице оказывается, что речь идет только об одном ведомстве — Главном управлении государственного коннозаводства. Действительно, его начальник П. А. Стахович довольно долго оставался на своем месте, не имея около себя комиссаров. Но это был уникальный случай, на основании которого вряд ли оправданно выводить какую-то особую «форму».
- ⁴⁷ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 427–428.
- ⁴⁸ Михайловский Г. Н. Записки. С. 445.
- ⁴⁹ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. // Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 260.
- ⁵⁰ Михайловский Г. Н. Записки. С. 364.
- ⁵¹ Лопухин В. Б. Люди и политика. С. 125.
- ⁵² Михайловский Г. Н. Записки. С. 349.
- ⁵³ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 50.
- ⁵⁴ Кофод К. А. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. С. 256.
- ⁵⁵ Тыркова А. В. То, чего больше не будет: На путях к свободе. М., 1998. С. 433.
- ⁵⁶ Демьянов А. А. Моя служба при Временном правительстве. С. 113.
- ⁵⁷ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны: Хроника событий (июль 1914–февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 43.
- ⁵⁸ Лопухин В. Б. Люди и политика. С. 125.
- ⁵⁹ Куликов С. В. Временное правительство и высшая царская бюрократия. Р. 78. По мнению А. Б. Николаева, полномочию Временного комитета думы нашло свое выражение в институте его комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями. Они стали «важнейшим элементом функционирования механизма

временной власти» (Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. С. 92). Для нее, полагал А. Б. Николаев, характерно «стремление сохранить, насколько это было возможно, старый правительственный аппарат». Представляется, однако, что это утверждение нуждается в существенной оговорке. Сохранение «старого аппарата» было для Временного комитета не самоцелью, а необходимостью. При первом удобном случае старые чиновники увольнялись. Неудивительно, поэтому, что только в течение марта высшая ведомственная бюрократия обновилась почти на треть.

⁶⁰ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С. 43, 44.

⁶¹ Куликов С. В. Временное правительство. С. 30. Неправ поэтому, В. И. Старцев, утверждавший, что Временное правительство «всячески стремилось хоть что-нибудь спасти из старой системы управления. Это особенно удалось ему в области сохранения старых кадров чиновничества, в том числе и самого высшего» (Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 169). Как раз именно сохранение «старых кадров» «самого высшего» чиновничества Временному правительству не удалось, поскольку такой цели оно перед собой не ставило.

⁶² Михайловский Г. Н. Записки. С. 260.

⁶³ Пенсионная практика Временного правительства. С. 249, 250.

⁶⁴ Куликов С. В. Временное правительство. С. 33–35, 36, 38.

⁶⁵ Завадский С. В. На великом изломе. С. 13.

⁶⁶ Куликов С. В. Временное правительство и высшая царская бюрократия. Р. 82.

⁶⁷ Журнал заседания Временного правительства № 3. 4 марта 1917 г. // Февральская революция. 1917 г. С. 166.

⁶⁸ Пенсионная практика Временного правительства. С. 250.

⁶⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 134.

⁷⁰ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 27.

⁷¹ Демьянов А. А. Моя служба при временном правительстве. С. 96.

⁷² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 134.

⁷³ Подробнее о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии см.: Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: Замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118.

⁷⁴ Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 321.

⁷⁵ Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 11.

⁷⁶ Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 162.

⁷⁷ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 51.

Е. Ю. Дубровская

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ ИМПЕРИИ В ФИНЛЯНДСКОЙ СТОЛИЦЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СИМВОЛИКИ ГЕЛЬСИНГФОРСА В 1917 г.

Изучение армейской и флотской повседневности российских военных, оказавшихся в период Первой мировой войны в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах поведения военных позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизо-